

О ПАМЯТИ

I

Речь пойдет о том, что есть, по какой причине возникает и какой из частей души свойственно это претерпевание (τὸ πάθος), а именно припоминание (τὸ ἀναμνήσκεισθαι). Ибо не одно и то же — обладать хорошей памятью (μνημονικοί) и припоминать (ἀναμνηστικοί), но, как часто и бывает, те, у кого память лучше (μνημονικώτεροι), медлительны, те же, кто способны быстрее припоминать (ἀναμνηστικώτεροι), — сообразительны и легко обучаемы.

Итак, во-первых, следует рассмотреть, каково то, что можно помнить. Ибо весьма часто это вводит в совершеннейшее заблуждение. Ведь невозможно же в самом деле помнить будущее — о нем можно строить догадки (δοξαστόν) и на него можно надеяться (и, кажется, существует некая наука, способная внушить надежду, как некоторые говорят, это — мантика). Не относится память и к непосредственно наличному (τοῦ παρόντος) — это область чувственного восприятия (αἰσθησις), ибо с помощью этой способности мы не познаем ни будущее, ни прошлое, но только лишь непосредственно данное. Память же имеет дело с прошлым (τοῦ γενομένου). Ни один человек, пожалуй, не станет говорить, что припоминает непосредственно данное, когда оно существует непосредственно здесь и теперь, например вот это белое, когда он на него смотрит, или же созерцаемое, когда он созерцает и обдумывает, — он лишь скажет, что в одном случае он чувственно воспринимает (τὸ μὲν αἰσθάνεσθαι), а в другом — знает (τὸ δ' ἐπίστασθαι).

Однако всякий раз как человек получает зна-

ние (τὴν ἐπιστήμην) и чувственное восприятие (τὴν αἰσθησιν) без каких-либо усилий, тогда он и помнит (μύμνηται) (например, о том, что углы треугольника в сумме равны двум прямым углам), то ли потому что его научили или он ⟨сам⟩ заметил, то ли потому что услышал или увидел, или же воспринял каким-либо подобным образом. Ибо всегда, когда он действует память (ὅταν ἐνεργῆ κατὰ τὸ μνημονεύειν), он попросту говорит в душе, что прежде он это услышал, или воспринял, или размышлял об этом.

Итак, память (ἡ μνήμη) не является ни самим чувственным восприятием (αἰσθησις), ни мыслью (ὀρόληψις), но ⟨является⟩ обладанием (ἔξις) или претерпеванием (πάθος) чего-то из этого по прошествии времени (ὅταν γένηται χρόνος). А помнить о настоящем моменте в настоящий момент невозможно, как сказано ⟨выше⟩, но возможно чувственно воспринимать непосредственно данное, а на будущее возможно надеяться, помнить же — значит помнить о прошлом (τοῦ δὲ γενομένου μνήμη). Поэтому любая память ⟨связана⟩ со временем (μετὰ χρόνου πᾶσα μνήμη). Так что лишь те живые существа, которые воспринимают время (ὅσα χρόνου αἰσθάνεται), способны помнить, причем ⟨осуществляют эту способность⟩ с помощью того же, с помощью чего они воспринимают ⟨время⟩.

О воображении (περὶ φαντασίας) прежде уже было сказано в сочинении *О душе*, а именно: сказано, что нет мышления без образа (νοεῖν οὐκ ἔστιν ἄνευ φαντάσματος). Ведь, в самом деле, одно и то же претерпевание (τὸ αὐτὸ πάθος) сопровождается и мышлением, и начертанием. ⟨Возьмем для примера треугольник⟩, ведь в одном случае мы, не пользуясь треугольником определенной величины, тем не менее, чертим треугольник, который оказывается именно отдельным треугольником определенной величины. Так же и мыслящий, даже если и не будет мыслить какой-нибудь определенной по величине треугольник, представляет какой-то треугольник того или иного разме-

ра, хотя и не представляет, в каком отношении ⟨треугольник⟩ определен. Природа (ἡ φύσις) ⟨всегда будет связана⟩ с какими-то величинами, хотя и неопределенными: с одной стороны, изображается нечто отдельное определенной величины, а с другой — мыслится лишь ⟨нечто⟩ обладающее какими-то ⟨неопределенными⟩ величинами (о том, по какой причине невозможно мыслить без непрерывности (ἄνευ συνεχοῦς) и вне времени (ἄνευ χρόνου) даже те вещи, которые во времени не существуют (τὰ μὴ ἐν χρόνῳ ὄντα), речь идет в другом месте, а вот величину и движение нужно познавать с помощью того же, с помощью чего и время). Теперь ясно, что знание (ἡ γνῶσις) обо всем возникает благодаря первому чувственному восприятию (τῷ πρώτῳ αἰσθητικῷ), а память (ἡ μνήμη), в свою очередь, а именно потому, что имеет дело с тем, что умопостигаемо, невозможна без образа, ⟨а образ есть состояние (πάθος), испытываемое общим чувством (καὶ τὸ φάντασμα τῆς κοινῆς αἰσθήσεως πάθος ἐστίν)⟩, так что в уме (τοῦ νοῦ) ⟨образ возникает⟩, пожалуй, входящим образом, а сам по себе как таковой (καθ' αὐτό) ⟨он связан с⟩ непосредственным чувственным восприятием. Поэтому и у некоторых других живых существ возникает ⟨образ⟩, а не только у людей, поскольку они обладают способностью составлять мнения (δόξαν) и судить (φρόνησιν). А если бы ⟨образ⟩ был чем-то относящимся к мыслящим частям ⟨души⟩, то он не был бы присущ большинству остальных живых существ, а равно и ничему тому, что лишено разумного начала. Однако же ⟨память присуща⟩ не всем, потому что не у всех имеется способность чувственного восприятия времени (χρόνου αἰσθησιν). Ведь всякий раз как ⟨человек⟩ приводит в действие свою память (об этом мы уже сказали прежде), поскольку он увидел нечто, услышал или узнал, то он воспринимает помимо прочего еще и то, что это было прежде. А «прежде» и «потом» существуют во времени (ἐν χρόνῳ ἐστίν).

Итак, какой ⟨части⟩ души присуща память, яс-

но: той же самой, которой присуща способность во-
ображения (ἡ φαντασία). И можно то удерживать в
памяти как таковое само по себе (καθ' αὐτά), что
можно вообразить, а привходящим образом (κατὰ
συμβεβηχός) то, что ⟨возникает⟩ вместе с воображе-
нием.

Пожалуй, может возникнуть затруднение: как
пребывает в памяти то, что в настоящее время от-
сутствует (τὸ μὴ παρόν), если претерпевание есть
непосредственно (τοῦ μὲν πάθους παρόντος), а ⟨того,
что его вызывает⟩, в наличии нет (τοῦ δὲ πράγματος
ἀπόντος). Ведь ясно, что помыслить (νοῆσαι) нужно
нечто такое, что возникло посредством чувственно-
го восприятия, ⟨запечатленного⟩ в душе, и той ча-
сти тела, которая ⟨отвечает за осуществление этого
восприятия⟩, например, о каком-нибудь изображе-
нии мы говорим, что его наличие есть память. Ибо
возникающее движение (κίνησις) запечатлевает, ка-
ков вид той или иной вещи, как, скажем, делают те,
кто закрепляют что-либо печатью. Поэтому те, кто
пребывает в сильном движении, то ли по причине
аффекта, то ли в силу возраста, ⟨ничего⟩ не запо-
минают, ⟨ведь в этом случае⟩ действие, ⟨связанное с
запоминанием⟩, или отпечаток, оказываются слов-
но в потоке воды. Равным образом не остается от-
печатка и у тех, из чьей памяти со временем ⟨все⟩
стирается, как будто ⟨исчезают⟩ древние построй-
ки, и если испытывающий претерпевание невоспри-
имчив. Именно поэтому малолетние и старики сла-
бы памятью: одни находятся в потоке становления,
другие — в потоке исчезновения. Подобным же об-
разом и чрезмерно подвижные и чрезмерно медли-
тельные, ни те ни другие, как кажется, не облада-
ют хорошей памятью. Ибо одни более податливые,
чем нужно, другие же — менее, поэтому в душе од-
них образ надолго не задерживается, а к другим не
пристает ⟨вовсе⟩.

Но если с памятью дело обстоит таким обра-
зом, то ⟨возникает вопрос⟩: удерживается ли в па-
мяти вот это претерпевание (τοῦτο τὸ πάθος), или

же (в памяти удерживается) то, от чего оно возникло? Если верно последнее, то мы, пожалуй, не можем помнить то, что отсутствует в данный момент, если верно первое, то каким же образом мы, воспринимая то, чего нет налицо, помним то, что мы непосредственно чувствами не воспринимаем? Далее, если в нас есть некое подобие, скажем отпечаток или изображение, то (опять-таки спрашивается), по какой причине восприятие этого (подобия) будет именно воспоминанием о другом, а не (воспоминанием) о нем самом? Ведь действующий с помощью памяти созерцает вот это претерпевание и воспринимает его (θεωρεῖ τὸ πάθος τοῦτο καὶ αἰσθάνεται τοῦτου). Как же он потом вспомнит то, что уже будет отсутствовать? Так, пожалуй, можно и видеть то, чего в данный момент нет, и слышать. Или же может случиться и такое? Ведь, например, животное, изображенное на картине, является и животным, и изображением, то есть одно и то же является двумя, а вот бытие у обоих не одно и то же (τὸ μέντοι εἶναι οὐ ταῦτόν), но, в одном случае, может рассматриваться как (бытие) животного, а в другом — как (бытие) изображения. Таким образом, необходимо понять, что образ, возникающий в нас (τὸ ἐν ἡμῖν φάντασμα), есть и нечто само по себе, (αὐτό τι καθ' αὐτό) и (образ) иного (ἄλλου).

Итак, в одном случае как само по себе (καθ' αὐτό) — это созерцаемое или образ (θεώρημα ἢ φάντασμα), а в другом — образ иного, то есть изображение и воспоминание (εἰκὼν καὶ μνημόνευμα). Так что всякий раз, как совершается движение (ἐνεργεῖ ἢ κίνησις), связанное с этим (т. е. с изображением или воспоминанием), душа, в результате этого движения, воспринимает это (εἰκὼν καὶ μνημόνευμα) в одном случае, как оно существует само по себе, когда кажется, что возникло нечто умопостигаемое или образ (νόημά τι ἢ φάντασμα), а в другом случае — в виде образа иного, например, так, как тот, кто не видел Кориска, видит на картине (его) изображение, словно (самого) Кориска, и в этом случае

претерпевание этого созерцания будет иным. И всякий раз, когда созерцают нарисованное живое существо, в душе возникает воспоминание ($\mu\eta\eta\mu\acute{o}\nu\epsilon\upsilon\mu\alpha$), с одной стороны, как одна лишь мысль ($\nu\acute{o}\eta\mu\alpha$), а с другой стороны — как в том случае (т. е. с Кориском на картине. — *Е. А.*), потому что \langle это \rangle изображение ($\epsilon\acute{\iota}\chi\acute{o}\nu$).

И поэтому, в силу того, что подобного рода движения возникают у нас в душе только от чувственного восприятия, мы порой не знаем, случается ли это потому, что мы чувственно восприняли, и сомневаемся, имеем ли мы дело с памятью, или нет. Иногда мысль ($\acute{\epsilon}\nu\nu\omicron\tilde{\eta}\sigma\alpha$) и воспоминание ($\acute{\alpha}\nu\alpha\mu\eta\eta\sigma\theta\tilde{\eta}\nu\alpha$) совпадают, потому что мы услышали прежде или увидели. Случается же подобное всякий раз как тот, кто созерцает \langle образ \rangle как таковой ($\acute{\omega}\varsigma \alpha\upsilon\tau\acute{o}$), потом переходит к созерцанию \langle его \rangle как \langle образа \rangle другого ($\acute{\omega}\varsigma \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\upsilon$).

Бывает и противоположное, как, например, случилось с Антиферонтом из Орея и другими безумцами. Ибо они говорили, будто бы образы ($\varphi\alpha\nu\tau\acute{\alpha}\sigma\mu\alpha\tau\alpha$) — прошлое ($\gamma\epsilon\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\alpha$), а они будто бы удерживают их в памяти. Такое происходит, если рассматривать как изображение то, что им не является.

Упражнения, \langle основанные на \rangle постоянном воспоминании, сохраняют память. А это не что иное, как частое созерцание образа \langle вещи \rangle ($\tau\acute{o}$ θεωρεῖν πολλάκις ὡς εἰχόνα), а не самой по себе \langle вещи \rangle .

Итак, на вопрос о том, что такое память и ее деятельность ($\tau\acute{o}$ μνημονεύειν), дан ответ, что это обладание образом ($\varphi\alpha\nu\tau\acute{\alpha}\sigma\mu\alpha\tau\omicron\varsigma \xi\acute{\xi}\iota\varsigma$) как изображением того, образом чего он является. И на вопрос о том, к какой нашей части это относится, сказано, что к первому чувственному восприятию ($\tau\omicron\upsilon$ πρῶτου αἰσθητικοῦ), с помощью которого мы воспринимаем время.

II

Осталось сказать о припоминании ($\acute{\alpha}\nu\alpha\mu\mu$ -

νήσιεσθαι). Прежде всего, следует считать непреложным все то, что сказано верно в сочинениях, посвященных умозаключениям и доказательствам¹. Так припоминание (ἡ ἀνάμνησις) не является ни возвращением к воспоминанию ⟨о чем-то⟩ (ἀνάληψις), ни первичным схватыванием (λήψις). Ибо тот, кто узнал нечто и пережил это впервые, не возвращается ни к какому воспоминанию (ведь ⟨возвращаться не к чему и⟩ никакого воспоминания прежде не было) и не восстанавливает ⟨воспоминание⟩ сначала, потому что воспоминание ⟨о чем-то⟩ есть тогда, когда появилось обладание (ἔξις) или претерпевание (πάθος), так что ⟨воспоминание о чем-то⟩ не возникает одновременно с переживаемым состоянием. И еще, как только ⟨претерпевание⟩ состоялось в неделимый завершённый ⟨промежуток времени⟩, оно в тот же момент уже есть, и то же ⟨можно сказать⟩ и о знании, если позволено называть обладание или претерпевание знанием (впрочем, никто не мешаает приводящим образом припоминать нечто из того, что мы знаем). А вот о припоминании в собственном смысле можно говорить лишь по истечении времени, ибо припоминают *теперь* то, что увидели или пережили *прежде*, а не то припоминают, что стали переживать только в настоящий момент.

Далее, ясно, что помнит не тот, кто только что припомнил, но тот, кто знал или испытывал ⟨нечто⟩ с самого начала. А вот если он снова возвращается (ὅταν ἀναλαμβάνῃ) к тому знанию или чувственному восприятию, которое имел прежде, или же к чему бы то ни было, обладание чем (τὴν ἔξις) мы ⟨выше⟩ назвали памятью, вот тогда-то и возникает припоминание чего-то из того, о чем было сказано (т. е. чего-то известного или чувственно воспринятого), и ⟨«припоминать»⟩ сходится с «помнить» в том, что и ⟨припоминанию⟩ сопутствует память. Дело же обстоит не просто таким образом, что являвшееся прежде возникает снова, но бывает так,

¹Речь, вероятно, идет о *Топике*.

а бывает и не так. Ведь один и тот же человек может дважды узнать и найти одно и то же. Следовательно, воспоминание ($\tau\acute{o}$ ἀναμνησθήσεσθαι) должно отличаться от этого (т. е. от вторичного узнавания и отыскания), именно в силу того, что (во вторичном узнавании и отыскании) присутствует большее начало (т. е. необходимо наличие того, что узнают или находят), чем то, на основании которого понимают, что совершают припоминание.

А состояться воспоминание может после того, как одно какое-то движение ($\kappa\acute{\iota}\nu\eta\sigma\iota\varsigma$) происходит после другого. Если (это случается) по необходимости, то ясно, что всякий раз как будет совершено движение в одном отношении, то будет совершенно движение в другом отношении, если же не по необходимости, но по привычке ($\epsilon\check{\theta}\epsilon\iota$), то движение будет совершаться так, как это обычно и бывает. И случается так, что побуждаемые в отношении некоторых движений один раз привыкают (к ним) скорее, чем будучи побуждаемыми к иным многократно. Поэтому-то мы, увидев одни вещи одинажды, помним о них лучше, чем о других, виденных многократно. Итак, всякий раз, вспоминая, мы (в мысли) приходим в движение в отношении какого-нибудь из предшествующих движений (или действий), до тех пор пока не достигнем такого движения (или действия), после которого обычно (бывает) то (движение, или действие, которое мы пытаемся вспомнить). Поэтому мы, (вспоминая), и стараемся проследить по порядку, сделав умозаключение от того, что произошло в настоящий момент, или от чего-то другого, а также от подобного, или противоположного, или ближайшего. Благодаря этому возникает припоминание, ведь одни движения ($\kappa\acute{\iota}\nu\eta\sigma\iota\varsigma$) одинаковы, другие совместны, а третьи пропорциональны, так что остальное, что приводится в движение после этого, невелико.

Таким образом и выясняют, и, даже если не пытаются выяснить, (все равно) вспоминают именно так, т. е. всякий раз (вспоминание наступает) по-

сле того, как одно действие (κίνησις) возникнет после другого, и, как часто бывает, это движение возникает после того, как возникли другие движения, о чем мы сказали.

Нет необходимости рассматривать, каким образом мы помним о давно минувшем, но (нужно рассмотреть то, как мы помним) о случившемся в недалеком прошлом. Ясно, что способ (рассмотрения) один и тот же. (Я считаю, что, не рассмотрев прежде всю последовательность, нельзя припомнить.) Движения ведь обычно следуют друг за другом, одно за другим, и, если кто желает вспомнить, делает так: он старается ухватить начало того движения (ἀρχὴν κινήσεως), за которым следует другое. Поэтому-то быстрее всего и лучше всего вспоминать с начала. Ибо в какой последовательности находятся друг к другу вещи, в такой же и движения, и то, что неким образом упорядочено, легко вспоминается, например, то, что касается математики. А иначе (вспоминать) неудобно и трудно. Тем отличается воспоминание от узнавания заново, что оно в состоянии каким-либо образом через самого себя (δι' αὐτοῦ) прийти в движение по направлению к тому, что следовало за началом (воспоминания). Если же не (через самого себя), но через что-то другое, то нет воспоминания. И часто (человек) не в состоянии вспомнить, а вот если он станет выяснять, то может (вспомнить) и отыскивает. Такое происходит с тем, кто приводит в движение многое, до тех пор пока он не приведет в движение такое движение, которое повлечет за собой разыскиваемое. Ибо воспоминание означает присутствие движущей способности (τὸ ἐνεῖναι δύναμιν τῆν κινούσων), то есть так, чтобы приходиться в движение из самого себя, а именно из тех движений, которые имеются, как уже было сказано. И начинать нужно с начала. Поэтому кажется, что иногда припоминают по месту (ἀπὸ τόπων). А причина такова, что они очень быстро от одного переходят к другому, например от молока к белому,

от белого к воздуху, а от него к влажному, после чего к тому, кто забыл, приходит воспоминание о поздней осени, если он пытался вспомнить именно это время года.

Вообще же, и середина всего может быть началом. Ведь если \langle человек \rangle не прежде вспомнит, то \langle вспомнит \rangle , когда дойдет до нее, или уже более никак иначе. Например, если кто-то \langle пытается \rangle представить себе некоторый ряд \langle событий \rangle , в соответствие которому поставлены \langle буквы алфавита \rangle **А В Г Δ Ε Ζ Η Θ (Ι)**. Ибо если он не вспомнит \langle то, что он ищет \rangle , на **Ι**, то вспомнит на **Ε**. Ведь отсюда можно двигаться к двум \langle буквам \rangle : к **Δ** и к **Ζ**. Если же он искал не \langle то, чему соответствуют \rangle эти \langle буквы \rangle , то, дойдя до **Γ**, он вспомнит: пытается ли он найти \langle то, чему соответствует \rangle **Α** или \langle то, чему соответствует \rangle **Β**, если же нет, то \langle вспомнит, дойдя \rangle до **Η**. И так всегда. А причина того, что иногда вспоминают, исходя из одного и того же, а иногда нет, \langle заключается в том \rangle , что из одного и того же начала можно двигаться в нескольких направлениях, как, например, от **Γ** к **Β** или **Δ**. Итак, если движение совершается в течение долгого времени, то оно совершается в отношении всякий раз более привычного, ведь привычка уже словно природа ($\text{ὅσπερ γὰρ φύσις ἦδη τὸ ἔθος}$). Поэтому мы быстро вспоминаем то, о чем часто думаем. Ведь как по природе (φύσει) одно следует за другим, так и в действительности (ἐνεργείᾳ). А то, что бывает часто, представляет природу ($\text{τὸ δὲ πᾶσις φύσιν ποιεῖ}$). И поскольку, как в том, что существует по природе, \langle кое-что бывает \rangle и вопреки природе, и случайно, \langle так и \rangle даже еще чаще \langle кое-что бывает вопреки природе и случайно \rangle в том, что \langle существует \rangle по привычке (δι' ἔθος), где природа проявляет себя по-другому, так что иногда движение совершается в том \langle направлении, как надо \rangle , а иногда иначе. Особенно когда \langle нечто \rangle как-нибудь отвлекает \langle движение \rangle от того, \langle к чему оно должно направляться \rangle , к себе самому, то поэтому, когда

нужно вспомнить слово, мы, зная подобное, ошибаемся в произнесении того (слова, которое нужно произнести). Итак, воспоминание происходит указанным образом.

Самое же главное — нужно знать время или точно ($\eta\ \mu\acute{\epsilon}\tau\rho\omega$), или неопределенно ($\eta\ \acute{\alpha}\sigma\rho\acute{\iota}\sigma\tau\omega\varsigma$). Допустим, есть нечто, с помощью чего можно судить о большем или меньшем (промежутке) времени: разумно же (предположить), что (промежутки времени) словно величины. Ибо мыслят «большое» и «далеко», при этом не простирая туда мысль ($\omicron\upsilon\ \tau\tilde{\omega}\ \acute{\alpha}\lambda\omicron\tau\epsilon\acute{\iota}\nu\epsilon\iota\nu\ \acute{\epsilon}\chi\epsilon\acute{\iota}\ \tau\eta\nu\ \delta\acute{\iota}\acute{\alpha}\nu\omicron\iota\alpha\nu$) (т.е. не охватывая в мысли актуальную величину или расстояние), словно взгляд, как говорят некоторые (ведь и не-сущее можно помыслить равным образом), но (в мысли) приводят в движение (некий) аналог (величины). Ибо в ней (т.е. в мысли. — *Е. А.*) существуют подобные очертания и движения ($\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \acute{\epsilon}\nu\ \alpha\upsilon\tau\eta\ \tau\grave{\alpha}\ \delta\mu\omicron\iota\alpha\ \sigma\chi\eta\mu\alpha\tau\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \kappa\iota\nu\eta\sigma\epsilon\iota\varsigma$). И будет ли для кого-нибудь иметь значение, когда он мыслит большее (по величине), мыслит он это (большее) или меньшее? Ведь все, что внутри, меньше (по величине) и (существует) по аналогии ($\acute{\alpha}\nu\grave{\alpha}\ \lambda\acute{o}\gamma\omicron\nu$). И может быть, как для видов, так и для промежутков ($\tau\omicron\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\lambda\omicron\sigma\tau\eta\mu\alpha\sigma\iota\nu$), можно в себе самом (т.е. в мысли. — *Е. А.*) взять иное в качестве аналога. Например, если совершится движение (по линии) **АВ**—**ВЕ** (в результате чего получается треугольник)², то совершается (движение по линии) **ГД**, ведь **АГ** и **ГД** аналогичны (движениям **АВ** и **ВЕ**). Почему бы тогда не совершить (движение по линии) **ЗН**, (вместо движения по линии) **ГД**? Или как (отрезок) **АГ** относится к (отрезку) **АВ**, так и (отрезок, обозначенный буквой) **Θ** относится к (отрезку, обозначенному буквой) **Г**? Следовательно, движение (мысли) в отношении этих (двух аналогичных отрезков) совершается одновременно, (так как они

²См. рис. в комментарии.

аналогичны). И если ⟨кто-нибудь⟩ захочет помыслить ⟨отрезок⟩ **ЗН**, то в равной степени он будет мыслить ⟨отрезок⟩ **ВЕ**, а вместо ⟨отрезков⟩ **Θ** ⟨и⟩ **Ι** он будет мыслить ⟨аналогичные им отрезки, обозначенные буквами⟩ **Κ** ⟨и⟩ **Λ**. Ибо они находятся в том же отношении, что и ⟨отрезок⟩ **ЗА** к ⟨отрезку⟩ **ВА**.

Итак, всякий раз как одновременно возникает движение вещи и движение времени, тогда-то ⟨человек⟩ и действует с помощью памяти. И если ⟨кто-либо⟩, не действуя, думает, что ⟨он действует⟩, то ему ⟨лишь⟩ кажется, что он помнит. Ведь ничто не мешает, чтобы кто-либо совершенно ошибся и ему казалось, что он помнит, хотя ⟨на самом деле⟩ он не помнит. Но невозможно, чтобы тому, кто действует с помощью памяти, казалось, ⟨что он не действует⟩, и чтобы он оставался в неведении, что он помнит. Ибо это и было выше названо памятью. Но если движение вещи возникает без движения времени или движение времени без первого (т. е. движения вещи), то нет памяти (οὐ μνήμητι). Движение же времени двоякое. Во-первых, когда ⟨человек⟩ не помнит точное время (μέτρῳ), например, что он сделал то-то и то-то на третий день; а во-вторых, когда ⟨помнит⟩ точно (μέτρῳ). Однако он помнит, даже если и не помнит точно. ⟨Люди⟩ имеют обыкновение говорить, что они помнят ⟨нечто⟩, однако когда ⟨это было⟩, не ведают, если не различают точно (μέτρῳ) меру «когда» (τοῦ πότε τὸ ποσόν).

Итак, в предшествующем рассуждении сказано, что не одни и те же обладают хорошей памятью (μνημονικοί) и припоминают (ἀναμνηστικοί). И воспоминание (τὸ ἀναμνησθεσθαι) отличается от памяти (τὸ μνημονεύειν) не только в отношении времени, но и тем, что многие из остальных живых существ причастны памяти, а припоминанию ни одно из числа, так сказать, познающих живых существ, кроме человека, ⟨не причастно⟩. Причина этого заключается в том, что припоминание есть род некое-

го силлогозма. Ведь припоминающий выстраивает умозаключение, потому что он раньше нечто узнал, услышал или пережил, и ⟨это⟩ есть некоторое подобие исследования. А такое от природы дано только тем, у кого есть способное принимать решение начало, ибо и принятие решения (τὸ βουλευέσθαι) есть некий силлогизм.

А знаком того, что воспоминание есть некое телесное претерпевание (σωματικόν τι τὸ πάθος) и поиск в нем образа (φαντάσματος), является то, что некоторых тяготит, когда они не могут вспомнить, даже если они усердно размышляют, и даже если они уже более не пытаются вспоминать, то ⟨и тогда тяготит⟩ ничуть не меньше, а более всего, если они впадают в состояние меланхолии, ибо таких образы приводят в движение особенно сильно. Причина же того, что у них не возникают воспоминания, заключается в следующем: как тем, кто бросает ⟨нечто⟩, ⟨брошенное⟩ уже не остановить своими силами, так и вспоминающий и преследующий приводит в движение некое телесное начало, в котором ⟨он испытывает⟩ претерпевание. Более же всего беспокоятся те, у кого вокруг чувственно воспринимающего начала (περὶ τὸν αἰσθητικὸν τόπον) скопилась влага. Ведь она, если пришла в движение, не легко останавливается, пока не объявится искоме и движение не выйдет на прямую дорогу. Поэтому-то гнев и страхи, когда они приводят что-нибудь в движение, не утихают, но движутся навстречу тому же самому, хотя они (т. е. такие люди) совершают движение в обратном направлении. А пафос (τὸ πάθος) присущ также отдельным словам, и песням, и речам, когда нечто из этого с силой вырывается из уст. Ведь заканчивающим, но не желающим того, случается снова петь и говорить. А такие, которые имеют весьма большую верхнюю часть, а именно карлики обладают более короткой памятью, чем люди высокие, по той причине, что воспринимающая часть у них весьма обременена и движения, начавшись, не могут продолжаться,

но прекращаются и в момент воспоминания с трудом выходят на прямую дорогу. И совсем юные, и слишком старые имеют слабую память по причине движения, ибо одни пребывают в состоянии умирания (ἐν φθίσει), а другие — в состоянии бурного роста (ἐν αὐξήσει πολλῇ), а еще по крайней мере все, что мало годами и мало ростом, вплоть до дальнейшего продвижения в возрасте (обладает плохой памятью).

О памяти (μνήμη) и деятельности с ней связанной (τοῦ μνημονεύειν), о том, какова их природа и благодаря какой из частей души живые существа помнят, а также о припоминании (τοῦ ἀναμνησθεῖν), что это, как и по каким причинам возникает, сказано.